

Робин Гуд в зеркале Реформации: модификация образа на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох

Е. И. Колосова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
kolosova@inion.ru

Аннотация. В свете традиционных представлений о Робине Гуде как йомене и защитнике беднейших сословий возникшая на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох идея о его дворянском происхождении заслуживает более детального рассмотрения. При помощи историко-литературного и сравнительно-исторического методов в настоящей статье предпринимается попытка установить причины столь радикальной трансформации данного фольклорного образа, обратившись к двум пьесам английского драматурга Энтони Мандея (1560–1633) – «Падение Роберта, графа Хантингтона» (1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (1601). Выбирая Робина Гуда в качестве центральной фигуры этих пьес, драматург одновременно отдавал дань своему первому учителю и демонстрировал универсальность данного образа в исторической перспективе, возможность через него говорить о животрепещущих темах своего времени.

Ключевые слова: Робин Гуд, Энтони Мандей, Реформация, балладная традиция, Елизаветинская эпоха, Яковинская эпоха

Для цитирования: Колосова Е. И. Робин Гуд в зеркале Реформации: модификация образа на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901) С. 114–121.

Original article

Robin Hood in the Mirror of the Reformation: Transformation of the Image During the Elizabethan and Jacobean Eras

Ekaterina I. Kolosova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kolosova@inion.ru

Abstract. In light of the traditional view of Robin Hood as a symbol of the Yeomanry, the idea of his noble origins at the end of the Elizabethan era and the beginning of the Jacobean era deserves further exploration. Using comparative historical and literary-historical methods, this article attempts to identify the reasons for such a radical transformation of this image by examining two plays by the English playwright Anthony Munday (1560–1633) – *The Downfall of Robert, Earl of Huntington* (1601) and *The Death of Robert, Earl of Huntington* (1601). By making Robin Hood the central figure of these plays, the playwright not only honored his first mentor but also highlighted the enduring universality of this image within a historical context, while using it as a lens to explore the urgent issues of his era.

Keywords: Robin Hood, Anthony Munday, Protestant Reformation, Ballad tradition, Elizabethan era, Jacobean era

For citation: Kolosova, E. I. (2025). Robin Hood in the mirror of the Reformation: Transformation of the image during the Elizabethan and Jacobean eras. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(901), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С момента возникновения самых ранних баллад о Робине Гуде («Робин Гуд и монах», «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и Гай Гисборн», «Смерть Робин Гуда» и др.) легенда о нем не переставала пользоваться популярностью в Англии, особенно после крупных крестьянских восстаний под предводительством Уота Тайлера (The Peasants' Revolt; Wat Tyler's Rebellion; the Great Rising, 1381) и Джека Кэда (Jack Cade's Rebellion, 1450–1451). Имя знаменитого предводителя лесных разбойников неразрывно связано со средневековой традицией «майских игр» (May Games), которые сопровождались народными гуляниями, обрядами и танцами. Отличительной чертой этих празднеств были повсеместные инсценировки коронации с участием костюмированных крестьян, причем фигура короля в них нередко заменялась на Робина Гуда [Hutton, 1996; Simeone, 1951]. Некоторые крестьяне шли дальше и во время народных гуляний так сильно входили в роль любимого персонажа, что впоследствии несли за это наказание. Например, в 1498 году Р. Маршалл (Robert Marshall of Wednesbury, Staffordshire) был осужден Звездной палатой (Star Chamber; чрезвычайный суд при короле Англии в 1487–1641) за то, что под маской Робина Гуда повел за собой более сотни людей во время празднования Дня Святой Троицы [Barczewski, 2000]. В 1502 году за государственную измену арестовали другого крестьянина – «парня, который напомнил о многочисленных историях о Робине Гуде» (a felowe, whych had renued many of Robin Hodes pagentes) [там же], и подобных примеров в Англии XV–XVI веков было бесчисленное множество.

Майские праздники, которые нередко заканчивались массовыми беспорядками, внушали опасение не только политическим, но и религиозным властям. Под влиянием идей Реформации в XVI веке «реформировался» и сам образ Робина Гуда, в котором протестанты видели серьезную угрозу распространению религиозного воспитания и образованности. Так, известный деятель английской Реформации Х. Латимер (Hugh Latimer, ок. 1485–1555) сетовал на то, что прихожан больше занимали не проповеди, а приготовления к празднованию Дня Робина, и видел в этом тлетворное влияние католической церкви [Latimer, 1869]; в предисловии к книге «Послушание христианина» («The Obedience of a Christen man», 1528) английский ученый-гуманист, протестантский реформатор У. Тиндейл (William Tyndale, ок. 1494–1536) обратился к печатным изданиям произведений о Робине Гуде, чтобы упрекнуть католическое духовенство в потворстве

безграмотности [Tyndale, 2000]. Во времена напряженной борьбы за внимание читательской аудитории протестантская критика легенды о предводителе лесных разбойников основывалась прежде всего на высокой востребованности текстов о нем. Но можем ли мы говорить о каком-то устойчивом образе Робина Гуда – йомене, который неизменно противостоял власти имущим и защищал интересы низших сословий?

Проанализировав религиозную полемику Тиндейла и Т. Мора (Thomas More, 1478–1535) в контексте культурных коннотаций образа Робина Гуда, исследовательница Х. Филлипс пришла к выводу, что отрицательное отношение к средневековому герою стало постепенно ослабевать на рубеже XVI–XVII веков [Knight, 2013], в частности, после публикации драм «Падение Роберта, графа Хантингтона» («The Downfall of Robert Earl of Huntington», 1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» («The Death of Robert Earl of Huntington», 1601) английского драматурга Энтони Мандея (Anthony Munday, 1560–1633). Сегодня эти произведения известны мало, однако именно они положили начало представлениям о личности «подлинного» Робина Гуда – утратившего свое положение аристократа. В свете традиционных представлений о герое как представителе сословия йоменов (англ. yeomen, yeomanry) возникшая на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох идея о его дворянском происхождении представляется примечательной и заслуживает более детального рассмотрения. Используя традиционные историко-литературный и сравнительно-исторический методы, попытаемся раскрыть причины столь радикальной трансформации, обратившись к двум пьесам Э. Мандея (которые нередко объединяют в один цикл). Соответственно, целью настоящего исследования является анализ пьес «Падение Роберта, графа Хантингтона» и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» в контексте представлений о происхождении данного фольклорного персонажа в английской литературе на рубеже XVI–XVII веков.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОБИНА ГУДА В ПЬЕСАХ Э. МАНДЕЯ: ТЕМА ПРИМИРЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Среди драматургов своего времени Э. Мандей был не первым, кто обратился к легенде о Робине Гуде. К моменту работы над «Падением Роберта, графа Хантингтона» и «Смертью Роберта, графа Хантингтона» (период между 1597–1598) была опубликована пьеса «Эдуард I» («Edward I», 1593) Джорджа Пила (George Peele, 1556–1596), где в одной из сцен образ валлийских повстанцев сближается с образом Робина Гуда и его окружения;

немногим позже увидела свет знаменитая пьеса «Полевой сторож Джордж Грин» («George a Greene the Pinner of Wakefield», 1599), приписываемая английскому драматургу и памфлетисту Р. Грину (Robert Greene, 1558–1592). По наблюдению исследователей Р. Б. Добсона и Дж. Тейлора, легенда о Робине Гуде также легла в основу несохранившихся пьес «Робин Гуд и Крошка Джон» («Robin Hood and Little John», 1594) и «Гроши Робина Гуда» («Robin Hood's Penn'orths», 1600) [Robin Hood: An Anthology ... 1999]. Однако, как видно из сюжета пьес «цикла о Робине Гуде», подход Мандея к народной традиции заметно отличается от используемого современниками.

В «Падении Роберта, графа Хантингтона» используется характерный для Елизаветинской эпохи прием «пьесы в пьесе». В первом действии и других частях произведения сэр Джон Элтем (Sir John Eltham; «исполняющий роль» Крошки Джона) и Джон Скелтон (John Skelton; «в роли» монаха Тука) обсуждают проблематику пьесы, которую они якобы представляют двору Генриха VIII – монарха, период правления которого, по свидетельствам английского хрониста Э. Холла [Hall, 1809], связан с деяниями Робина Гуда. В первом действии Скелтон знакомит зрителей с актерами и их персонажами, среди которых сам Робин Гуд – Роберт, граф Хантингтон, современник короля Ричарда I. В центре сюжета находятся отношения Роберта с дочерью лорда Фитцуотера Матильдой (она же Дева Мэриан), которым препятствуют брат короля принц Иоанн (Иоанн Безземельный, король Англии с 1199 по 1216 г.) и королева-мать Элинор. Любовный конфликт усложняется драматизмом общественных и внутрисемейных противоречий: следуя средневековому нарративу о Робине Гуде, представитель духовенства – настоятель церкви Св. Марии в Йорке Гилберт де Гуд, дядя Роберта – в пьесах Мандея выступает одним из главных противников главного героя, при этом морально-этический конфликт усиливается за счет семейных уз, которые связывают настоятеля с его племянником. Знаменитый благодаря балладной традиции шериф Ноттингема также появляется в пьесе в образе управляющего Уормана, который позднее получает свою административно-судебную должность. Вместе с Гилбертом де Гудом Уорман объявляет Робина Гуда преступником за неуплату долгов и расточительство. Став жертвой интриги своего дяди и его сообщника сэра Донкастера, Робин, сам того не ведая, принимает яд и умирает в конце пятой сцены «Смерти Роберта, графа Хантингтона». Примечательно, что изображение его гибели в произведении отличается от описаний смерти Робина Гуда в средневековых балладах:

в ожидании неизбежного конца герой пытается примирить своих приятелей и противников, которые враждовали друг с другом в обеих частях драмы. Финальные четыре акта посвящены Матильде, находящейся в напряженных отношениях с принцем Иоанном. В попытке противостоять наследнику трона и защитить Матильду ее дядя лорд Брюс обрекает своих близких на смерть в подземельях Виндзорского замка. Сама же Матильда находит убежище в аббатстве Данмоу, где ее отравляет Брэнд, приспешник принца Иоанна.

Как можно заключить из этого краткого описания сюжета, драматург обращается к народным балладам, «Малой Жесте о Робине Гуде» («Lytell Geste of Robin Hode») и одновременно от них дистанцируется. Он делает выбор в пользу усложнения средневекового нарратива и помимо произведений устной словесности опирается на труды историка Дж. Мейджора «История Великобритании, как Англии, так и Шотландии» («Historia Majoris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae», 1521), летописцев Р. Графтона «Свод английских хроник» («An Abridgement of the Chronicles of England», 1563), У. Боуэра («Шотландская хроника», *лат.* Scotichronicon, XV в.) и др., в которых допускается существование исторического прототипа Робина Гуда. Идею о бедственном положении аристократа времен короля Ричарда I и принца Иоанна драматург заимствует у Дж. Мейджора, дополняя ее актуальной для своего времени социополитической проблематикой. Несмотря на то что основное действие пьесы относится к периоду правления Генриха VIII, предметом художественного осмысления здесь выступает сложный комплекс процессов церковных преобразований на протяжении всего XVI века, безвыходное положение простых жителей в период неурожая 1594–1598 гг., проблема налогового гнета, последствия принятых в 1597 г. законов о нищих и бродягах и др. Главными противниками Роберта / Робина Гуда выступают не только шериф Ноттингема и аббат церкви Св. Марии, как представлено в «Малой Жесте о Робине Гуде» и балладах, а целая система персонажей во главе с Гилбертом де Гудом и управляющим Уорманом, объединяющая коронованных особ, должностных лиц и представителей духовенства. При этом Робин Гуд в пьесах Мандея преодолевает ту недвусмысленную жестокость, на которую способен по отношению к своим противникам герой средневековых баллад, и выступает фигурой более пассивной. Показательнее всего об этом свидетельствует частотность упоминания его имени (Робин и Роберт) в обоих произведениях: из 1187 реплик «Падения» лишь 90 отводятся Робину Гуду, при этом его имя упоминается в

пьесе разными героями и в ремарках 106 раз. Из 472 реплик «Смерти» – всего 28 отводятся Робину Гуду, а его имя упоминается 53 раза.

Ранее уже подчеркивалось, что, будучи отравленным своим дядей, Робин Гуд предпринимает попытку примирить своих друзей и противников, и это обстоятельство наводит на мысль о том, что данный персонаж, в интерпретации Мандея, не находится в строгой оппозиции власти имущим, а напротив – выражает очевидную готовность к компромиссу. Тема примирения и объединения прослеживается в драме на разных уровнях. Так, сама попытка драматурга соотнести легенду о Робине Гуде с гипотезами историков и хронистов о подлинной личности фольклорного персонажа говорит о стремлении драматурга упорядочить разнообразные сведения, тем самым сконструировав цельный художественный образ Робина Гуда. Кроме того, используемый Мандеем прием «пьесы в пьесе» позволяет продемонстрировать преемственность и живучесть повествования о Робине Гуде в самых разных исторических реалиях (в контексте крестьянских восстаний, в период правления Генриха VIII, в Елизаветинскую и затем Яковинскую эпоху). На сюжетном уровне также находятся подтверждения в пользу данной гипотезы. В качестве примера приведем реплику разбойника Скарлета из девятой сцены «Падения Роберта, графа Хантингтона»:

*Its full seven years since we were outlawed first,
And wealthy Sherewood was our heritage.
For all those yeares we reigned uncontrolde,
From Barnsdale shrogs to Nottinghams red clifffes;
At Blithe and Tickhill were we welcome guests.
Good George a Greene at Bradford was our friend,
And wanton Wakefields Pinner lov'd us well.
At Barnsley dwels a Potter tough and strong,
That never brookt we brethren should have wrong.
The Nunnes of Farnsfield, pretty nunnes they bee,
Gave napkins, shirts, and bands to him and mee.
Bateman of Kendall, gave us Kendall greene,
And Sharpe of Leedes, sharpe arrowes for us made:
At Rotheram dwelt our bowyer, God him blisse.
Jackson he hight; his bowes did never misse.
This for our good, our scathe let Scathlocke tell,
In merry Mansfield, how it once befell.¹*

Прошло семь лет с тех пор, как нас впервые объявили преступниками,

¹Munday A. The Downfall of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales / Ed by S. Knight, T.H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/downfall-of-robert-earle-of-huntington> (строки 1279–1295; дата обращения: 27.06. 2025).

*И богатый Шервуд был нашим достоянием.
Все те годы мы были [никому] неподвластны,
От гуц Барнсдейла до красных холмов Ноттингема;
В Блите и Тикхилле мы были желанными гостями.
Добрый Джордж Грин из Брэдфорда был нашим другом,
И полевой сторож-гуляка жаловал нас.
В Барнсли живет крепкий и удалой гончар,
Который никогда не терпел несправедливости по отношению к нам.
Монахи из Фарнсфилда, милейшие монахи,
Дарили нам платки, рубашки и повязки.
Бейтман из Кендалла давал нам зеленые [ливреи],
А Шарп из Лидса делал для нас острые стрелы:
В Ротереме жил наш лукодел, благослови его Бог.
Звали его Джексон; его луки всегда стреляли в цели.
Всё это было нашим, а про беду пусть расскажет Скетлок,
Что случилась с нами в оживленном Мэнсфилде.²*

Несмотря на то что подробные описания жизни героя в лесах Шервуда, Барнсдейла и Инглвуда в пьесах отсутствуют (лес в них становится эмблемой социального падения Роберта), в приведенной цитате очерчиваются территориальные границы, внутри которых происходили деяния Робина Гуда и его окружения из старинных баллад, а также затрагиваются особенности уклада средневековой разбойничьей жизни. Заметим, что на протяжении семи лет жизнь братьев Скарлета и Скетлока (последний является вымышленным Мандеем персонажем) была лишена постоянства, но ситуация меняется после знакомства с Робинем Гудом, которому удалось сплотить последователей вокруг себя. Обращает на себя внимание и употребление слова *наследие* (...And wealthy Sherewood was our **heritage**; наследие, достояние): через Скарлета Мандей демонстрирует собственное знание устных и письменных преданий о Робине Гуде, ставших уже в Елизаветинскую эпоху неотъемлемой частью английской культурной традиции.³

БИОГРАФИЯ Э. МАНДЕЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ «ЦИКЛА О РОБИНЕ ГУДЕ»

Исследователи Р. Б. Добсон и Дж. Тейлор утверждают, что пьеса Э. Мандея была, с одной стороны, «самой своевольной и бесцеремонной» в обращении с фольклорными сюжетами и,

²Здесь и далее перевод и начертания в шрифтах наши. – Е. К.

³Позднее это подтвердит М. Дрэйтон в своей знаменитой топографической поэме «Поли-Албион» («Poly-Olbion», 1612): *In this our spacious isle I think there is not one, / But he "of Robin Hood hath heard" and Little John* (На нашем просторном острове, я думаю, нет ни одного, / Кто бы не «слышал о Робине Гуде» и Маленьком Джоне).

«несомненно, самой влиятельной из всех драматических произведений о Робине Гуде» с другой [Dobson, Taylor, 1976]. С этим утверждением невозможно не согласиться: рассматриваемый цикл пьес если не полностью, то отчасти развеял негативные культурные коннотации, бытовавшие в период Реформации, и представил принципиально иную интерпретацию образа Робина Гуда. Возвысившись в социальном статусе, он стал носителем английских аристократических ценностей и воспитания, невзирая на последующее «падение». Таким образом, пьесы Мандея опровергают тезис реформаторов о том, что нарратив о Робине Гуде препятствовал распространению образованности и религиозного воспитания. В свете заметного влияния идей драматурга на реконструкции этого образа в XVIII–XX веках [Ritson, 1795; Hunter, 1852; Walker, 1944] возникает закономерный вопрос: почему именно Э. Мандей преобразил легенду о Робине Гуде? Ключ к разгадке кроется в биографии писателя и той культурной среде, в которой создавались рассматриваемые пьесы.

Первые годы ученичества Мандей провел у шотландского (по происхождению) книготорговца и типографа Дж. Олди (John Aldee/Alde, 1555–1592) [Transcript of the Registers ... 1950], который в 1560–1567 зарегистрировал права на публикацию народных баллад и альманахов. Несмотря на недостаток свободного времени, в 1576 году писатель начал интересоваться народной поэзией и переводить рыцарские романы в стихах. Известно, что один из первых своих литературных опытов – перевод французской жести (*chanson de geste*) «Гальен, восстановленный в своих правах» («Galiens li Restorés») – он отпечатал в типографии и подарил Эдуарду де Веру (Edward de Vere, 17th Earl of Oxford, 1550–1604) [Munday, 1579], благодаря которому вскоре был освобожден от обучения и отправился в свое первое путешествие по Франции и Италии. Результатом поездки стал роман-travelogue «Жизнь англичанина в Риме» («The English Romaine Lyfe», 1582), положивший начало представлениям о его разведывательной деятельности. Исследователь Дж. Д. Уилсон сообщает, что уже в 1578 году будущий драматург состоял на службе у правительства Елизаветы I и под маской новообращенного католика отправился в Рим [Wilson, 1909, с. 484]. Позднее, в 1582 году, Мандей стал одним из постоянных агентов, расследовавших папистские заговоры. Свои религиозные убеждения он изложил в целом ряде трудов: «Зеркало перемен» («Mirrour of Mutabilitie», 1579), «Задержание и казнь несговорчивого и своенравного предателя» («The Araigement, and Execution, of a Wilfull and Obstinate Traitour», 1581), «Находка

Эдмунда Кэмпiona» («The Discouery of Edmund Campion», 1582), «Лаконичный ответ» («A Breefe Aunswer», 1582), «Краткий и точный отчет о казни некоторых предателей» («A Brief and True Report of the Execution of Certain Traitors», 1582), «Предупреждение Англии» («A Watchwoord to England», 1584), сюда же можно отнести незавершенный роман «Зелауто: источник славы» («Zelauto: The Fountaine of Fame», 1580).

Далеко не все исследователи биографии и творчества Мандея сходятся во мнении, что драматург был ревностным протестантом: С. Т. Райт полагала, что поездка Мандея в Рим и его связи с книготорговцами Дж. Олди и Дж. Чарлвудом (John Charlewood) свидетельствовали о его скрытой симпатии католикам [Wright, 1959]; Т. Маккуг отмечал, что как «бывший католик» драматург не мог являться яростным защитником протестантизма [McCoog, 1993]. Известно, что в 1580-х Мандей по приказу правительства осуществлял наблюдение не только за католиками, но и радикально настроенными протестантами, что заставило его, по всей видимости, пересмотреть убеждения. Примечательно, что именно в это время он начинает карьеру драматурга.

Фрагментарные сведения о драматических произведениях Мандея дошли до наших дней в архиве театрального антрепренера и импресарио Ф. Хенслоу (Philip Henslowe, 1550–1616) и благодаря свидетельствам ирландского шекспироведа Э. Мэлоуна (Edmond Malone, 1741–1812). Из 18 пьес, написанных в период 1584–1602, сохранилось всего четыре, но они наглядно отражают постепенный переход драматурга к более умеренным религиозным взглядам. В 1584 году Мандей перевел итальянскую комедию «Фидель» («Il Fedele», 1576) Л. Паскуалиго (Luigi Pasqualigo, 1536–1576), озаглавив ее «Фидель и Фортуньо» («Fedele and Fortunio», 1584), которая имела большой успех у английских зрителей. Позднее была опубликована драма «Джон Кент и Джон Камбер» («John a Kent and John a Cumber», точная дата публикации не установлена), в которой очевидная жестокость антикатолической политики оправдывается необходимостью государственного контроля. Рассматриваемые нами драмы «Падение» и «Смерть», а также утраченная – «Похороны Ричарда» («Funeral of Richard») созданы Мандеем по возвращении из Нидерландов, куда его отправили по службе.¹ Вероятнее всего, эти произведения изначально были объединены в одну пьесу, которую Мандей вместе с другим драматургом Елизаветинской эпохи Г. Четтлом (Henry Chettle, 1564–1606)

¹Подробнее об этом см.: Branyan R. Anthony Munday // Dictionary of Literary Biography / D. A. Richardson. Detroit: Gale, 1996. P. 173–180.

разделили для постановки в театре «Розы» [Meagher, 1966; Robin Hood: An Anthology ... 1999].

В «цикле о Робине Гуде» Мандей не отступает от критики католицизма. Гилберт де Гуд – символ католического духовенства в пьесах – открыто признает собственное лицемерие в третьей сцене «Смерти Роберта, графа Хантингтона»:

<i>Now for a face of pure hypocrisie. Sweete murder, cloath thee in religious weedes, Raigne in my bosome, that with helpe of thee, I may effect this Robins Tragedie¹</i>	Теперь перед лицом чистейшего лицемерия Сладостное убийство, облачен- ное в религиозные одежды, Ликуй в моей груди, чтобы с твоей помощью Я смог устроить падение [букв. 'трагедию'] Робина
--	--

Именно этот персонаж доводит до конца преступный замысел и отравляет собственного племянника. В результате призыв Робина Гуда к примирению и объединению оказывается неслышанным. Кроме этого, католическое духовенство демонстрирует неспособность помочь тем, кто больше всего нуждается в защите. Ближе к концу второй пьесы Матильда / Дева Мэриан бежит от принца Иоанна в аббатство, в надежде, что монахини помогут ей сохранить целомудрие, но настоятельница и монах, напротив, пытаются убедить героиню уступить наследнику престола. Возлюбленной Робина Гуда не остается ничего иного, кроме как отвергнуть возможность греховной связи и сделать выбор в пользу смерти (*Where shall I be hid? / O God, these ravens will seaze upon thy dove²*). Таким образом, драматург смещает акцент на трагическое положение героев, углубляя нравственно-этический заряд пьес «цикла о Робине Гуде».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, разведывательная деятельность и глубокая осведомленность Энтони Мандея

¹Munday A. Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales / Ed by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/death-of-robert-earle-of-huntington> (строки 236–240; дата обращения: 27.06. 2025).

²Перевод: «Где же мне укрыться? / О, Боже! Эти вороны растерзают твою голубку».

в вопросах католико-протестантских отношений легли в основу многих его произведений, включая рассмотренные нами «Падение Роберта, графа Хантингтона» и «Смерть Роберта, графа Хантингтона». Выбирая Робина Гуда в качестве центральной фигуры этих пьес, драматург одновременно отдавал дань уважения своему первому учителю Дж. Олди, который привил ему любовь к фольклору, и демонстрировал универсальность данного образа в исторической перспективе, возможность через него говорить о животрепещущих темах своего времени. С распространением идей Реформации в XVI в. Робин Гуд стал иначе восприниматься религиозными деятелями, особенно в свете традиции «Майских игр», однако Мандей, будучи знатоком баллад и рыцарских романов в стихах, почувствовал в народном герое совсем иной идейный заряд: его Робин Гуд – фигура трагическая, ставшая очевидной жертвой подкупленного католического духовенства. Такой герой больше не угрожал идеям Реформации и потому перестал восприниматься заклятым врагом власть имущих. К тому же, приписав Робину Гуду (вслед за историками и хронистами) знатное происхождение, Мандею удалось защитить его от упреков в аморальности и необразованности.

Рассмотренный в статье «цикл о Робине Гуде» оказал значительное влияние на последующие интерпретации данного фольклорного персонажа. Так, к нему неоднократно обращался создатель цельного и актуального по сей день образа Робина Гуда, английский литератор и антикварий рубежа XVIII–XIX веков Джозеф Ритсон (Joseph Ritson, 1752–1803). В его знаменитом поэтическом собрании «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» («Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life», 1795) [Ritson, 1795] сведения о происхождении и социальном положении героя уходят корнями в пьесы Мандея и корпус текстов, на которые опирался драматург. И хотя ритсоновский Робин Гуд мало похож на героя Елизаветинской эпохи, сама идея Мандея об «универсальности» данного образа и его гибкость были восприняты литератором и вдохновили на собственную интерпретацию легенды о предводителях лесных разбойников [Колосова, 2023].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hutton R. The Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain. L.: Oxford University Press, 1996.
2. Simeone W. E. The May Games and the Robin Hood Legend // Journal of American Folklore. 1951. № 64. P. 265–274.

3. Barczewski S. *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. L.: Oxford University Press, 2000.
4. Latimer H. *Seven Sermons before Edward VI, on Each Friday in Lent, 1549* / Ed. by E. Arber. L.: Alex Murray & Son, 1869.
5. Tyndale W. *The Obedience of a Christian Man*. L.: Penguin Classics, 2000.
6. Knight S. *Robin Hood in Greenwood Stood: Alterity and Context in the English Outlaw Tradition*. Turnhout: Brepols, 2013.
7. *Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism* / Ed. by S. Knight. Martlesham: Boydell & Brewer Ltd, 1999.
8. Hall E. *Hall's Chronicle: Containing the History of England, During the Reign of Henry the Fourth, and the Succeeding Monarchs, to the End of the Reign of Henry the Eighth*. L.: J. Johnson, 1809.
9. Munday A. *The Downfall of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales* / Ed. by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. P. 303–402.
10. Munday A. *Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales* / Ed. by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. P. 402–441.
11. Dobson R. B., Taylor J. *Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw*. L.: Heinemann, 1976.
12. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*. L.: T Egerton, J. Johnson, 1795. Vol. I–II.
13. Hunter J. *The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of England, "Robin Hood": His Period, Real Character, Etc. Investigated and Perhaps Ascertained*. L.: J.R. Smith, 1852.
14. Walker J. W. *Robin Hood Identified // Yorkshire Archaeological Journal*. 1944. Vol. 36. P. 4–46.
15. *Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London 1554–1640* / Ed. by E. Arber. N.Y.: P. Smith Co., 1950. Vol. 2.
16. Munday A. *The Mirrour of Mutabilitie, Or Principall Part of the Mirrour for Magistrates: Describing the Fall of Divers Famous Princes, and Other Memorable Personages*. L.: John Allde, 1579.
17. Wilson J. D. *Anthony Munday, Pamphleteer and Pursuivant // The Modern Language Review*. 1909. Vol. 4. № 4. P. 484–490.
18. Wright C. T. *Young Anthony Munday Again // Studies in Philology*. 1959. Vol. 56. № 2. P. 150–168.
19. McCoog T. M. "The Flower of Oxford": The Role of Edmund Campion in Early Recusant Polemics // *The Sixteenth Century Journal*. 1993. Vol. 24. № 4. P. 899–913.
20. Meagher J. C. *Hackwriting and the Huntingdon Plays // Elizabethan Theatre* / J. R. Brown, B. Harris. L.: Edward Arnold Publishers Ltd., 1966. P. 197–219.
21. Колосова Е. И. Прошлое как способ говорить о настоящем: «Робин Гуд: Собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» Дж. Ритсона // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2023. № 3. С. 100–104.

REFERENCES

1. Hutton, R. (1996). *The Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain*. London: Oxford University Press.
2. Simeone, W. E. (1951). The May Games and the Robin Hood Legend. *Journal of American Folklore*, 64, 265–274.
3. Barczewski, S. (2000). *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. London: Oxford University Press.
4. Latimer, H. (1869). *Seven Sermons before Edward VI, on Each Friday in Lent, 1549*. Ed. by E. Arber. London: Alex Murray & Son.
5. Tyndale, W. (2000). *The Obedience of a Christian Man*. London: Penguin Classics.
6. Knight, S. (2013). *Robin Hood in Greenwood Stood: Alterity and Context in the English Outlaw Tradition*. Turnhout: Brepols.
7. Knight, S. (Ed.). (1999). *Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism*. Martlesham: Boydell & Brewer Ltd.
8. Hall, E. (1809). *Hall's Chronicle: Containing the History of England, During the Reign of Henry the Fourth, and the Succeeding Monarchs, to the End of the Reign of Henry the Eighth*. London: J. Johnson.

9. Munday, A. (1997). The Downfall of Robert, Earle of Huntington. In Knight, S., Ohlgren, T. H. (Eds.), Robin Hood and Other Outlaw Tales (pp. 303–402). Michigan: Medieval Institute Publications.
10. Munday, A. (1997). Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington. In Knight, S., Ohlgren, T. H. (Eds.), Robin Hood and Other Outlaw Tales (pp. 402–441). Michigan: Medieval Institute Publications.
11. Dobson, R. B., Taylor, J. (1976). Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw. London: Heinemann.
12. Ritson, J. (1795). Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life. London: T. Egerton, J. Johnson.
13. Hunter, J. (1852). The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of England, "Robin Hood.": His Period, Real Character, Etc. Investigated and Perhaps Ascertained. London: J. R. Smith.
14. Walker, J. W. (1944). Robin Hood Identified. Yorkshire Archaeological Journal, 36, 4–46.
15. Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London 1554–1640. (1950). Arber, E. (Ed.). N.Y.: P. Smith Co.
16. Munday, A. (1579). The Mirrour of Mutabilitie, Or Principall Part of the Mirrour for Magistrates: Describing the Fall of Divers Famous Princes, and Other Memorable Personages. London: John Allde.
17. Wilson, J. D. (1909). Anthony Munday, Pamphleteer and Pursuivant. The Modern Language Review, 4(4), 484–490.
18. Wright, C. T. (1959). Young Anthony Munday Again. Studies in Philology, 56(2), 150–168.
19. McCoog, T. M. (1993). The Flower of Oxford: the Role of Edmund Campion in Early Recusant Polemics. The Sixteenth Century Journal, 24(4), 899–913.
20. Meagher, J. C. (1966). Hackwriting and the Huntingdon Plays. In Brown, J. R., Harris, B. (Eds.), Elizabethan Theatre (pp. 197–219). London: Edward Arnold Publishers Ltd.
21. Kolosova E. I. (2023). The Past as a Way to Talk About the Present: "Robin Hood: a Collection of All Ancient Poems, Songs and Ballads that Have Survived to the Present Day" By J. Ritson. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta, 3, 100–104. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Екатерина Игоревна

кандидат филологических наук

научный сотрудник отдела литературоведения

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolosova Ekaterina Igorevna

PhD (Philology)

Researcher, Department of Literary Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.05.2025
28.05.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication